

ВКУС КАЛИНЫ

рассказы для детей

Рязань
Издатель Ситников
2005

**ББК 84 (2Рос=Рус) 6 Ряз
В 56**

Авторы: И.К. Красногорская, Т.И. Банникова, Е.Н. Бартенева,
А.Ф. Говоров, Э.П. Кавун, , Л.О. Осепян,
Н. А. Родин, А.П. Хлуденев

Для среднего школьного возраста

**Вкус калины: рассказы для детей / И.К.
В 56 Красногорская и др.; [под общ. ред. И.К.
Красногорской ; худож. Т.С. Полищук].— Рязань:
Издатель Ситников, 2005. —168 с.: ил.
ISBN 5-902420-08-03**

ББК 84 (2Рос=Рус) 6 Ряз

ISBN 5-902420-08-03

© Издатель Ситников, 2005
© Группа авторов, текст, 2005
© Полищук Т.С., художник,

Праздник узнавания

Сборник рассказов для детей известных рязанских писателей называется «Вкус калины», так же, как рассказ Ирины Красногорской. А после того, как вы прочтете все рассказы, у вас возникнет явный вкус детства, и он еще долго будет с вами, такой живой и щемящий душу.

Но это у взрослых... А у ребят расширится круг их друзей, ими наверняка станут герои рассказов. И это не только их сверстники из далекого прошлого, когда их еще и на свете-то не было, но и сегодняшние ребята, и даже их верные друзья во все времена — пёс Шарик, попугай Шурик, грачонок Чери и тушканчик Тимка.

Много хороших рассказов подарили детям писатели. Читаешь их подряд один за другим и не можешь решить, какой из них самый лучший — «Вкус калины», «Славкина вина», «Тимка», «На бакене»?

Трудно сказать. Каждый рассказ хорош по-своему, а всего их — 15. Ведь в каждом рассказе писатель оставляет частичку своей души, и если для него самого труд был счастливым и радостным, читатель всегда это почувствует — будет радоваться или огорчаться вместе с героями рассказанных историй. Именно такие чувства вызывают герои рассказов этого сборника.

Жизнь идет по своим законам. Писатели старятся, читатели взрослеют, а хорошие книги по-прежнему остаются молодыми... Уверена, что именно такая читательская судьба ждет этот сборник.

Чтение книг — это праздник узнавания. Как много на свете всего, над чем стоит задуматься, чему поучиться. Мы живем среди людей. «Гордого одиночества» нет и быть не может, и как важно всем нам, и большим и маленьким, отзываться добром в сердцах тех, кто рядом с нами.

Я не буду пересказывать содержания рассказов. Прочтите их, напечатанные в этом сборнике. Я уверена, они Вам понравятся...

Зам. директора
Рязанской областной юношеской
библиотеки им. К.Г.Паустовского
Лариса ВОЛКОВА

Алексей
ХЛУДЕНЕВ

Мужичок

Спит Никола в мазанке с толстыми глинобитными стенами, дубовой дверью, пустыми, в мучной пыли, закромами. В углу сложена конская сбруя: хомут, седелка, дуга, вожжи, уздечка... Сбруя терпко и хорошо пахнет кожей и конским потом. Вечером, перед сном, только этот запах и услаждает Николу, и он улыбается, вспоминая гнедого Толкача, — на нем он возит зерно с поля на колхозный ток, к амбарам.

Толкач — медлительный, дремлющий на ходу мерин, его не то что вожжами — кнутом не разгонишь. Никто из ребят не соглашается запрягать Толкача, и потому достается этот конь самому маленькому колхознику — Николе. А Никола все равно доволен, он гордится, что утром, наряжая колхозников на работу, бригадир не забудет и про него.

Всю ночь мальчик спит крепко. Но едва прошуршит в траве сапогами бригадир, едва тихонечко стукнет в дверь и ласково позовет: «Мужичок, а Мужичок?» — Никола тотчас

вскакивает с постели и спешно открывает железный засов. В мазанке темным-темно, лишь сквозь квадратный лаз внизу двери пробивается свет. А открыл дверь — и сразу за-жмуривай глаза: до того ярко! Чуть разлепив веки, мальчик спрашивает, кого запрягать.

— Толкача, — отвечает бригадир. — Кого же еще! Самая для тебя лошадь.

— Ладно, — соглашается Никола. — Толкач — он сильный!

Втайне он мечтает о другой лошади, и особенно — о рысистом горячем Синеньком, которого доверяют бойкому Федьке Петуху. Но о Синеньком даже не заикайся — ребята и постарше ждут не дождутся своей очереди.

Никола берет в углу уздечку и, не заходя в дом, неторопливо и важно пересекает улицу. Лишь выйдя на огороды, во всю прыть мчится по травянистой меже на конюшню.

Там пока нет никого из ребят, лошади еще не разобраны. Никола первый явился. Толкач стоя подремывает в клетки.

Дед Егор, конюх, с улыбкой наблюдает, как мальчик, крепко ухватившись за холку, ловко взбирается на покладистого коня. Сидит Никола небрежно, чуть скособочившись, как заправский всадник.

— Опять велели зерно возить, — как бы между прочим говорит Никола, скрывая желание набиться на похвалу...

— А как же! — поддакивает старик. — Вон ты какой работник. Одно слово — Мужичок!

Уже в селе, на улице, встречаются ему ребята. Они тоже идут на конюшню забирать своих коней. Среди них Федька Петух. Он худ, высок, и, шагая, выдвигает левое плечо вперед, словно в драку лезет. Заспанный и смурной, он оживляется, увидев Николу.

— Гля-ка, Мужичок-то! — кричит он. — Как на быке...

— Ха-ха-ха! — подхватывают ребята. — Как на быке!

У Федьки с собой ременный кнут, он подбегает к Толкачу и ожигает его. Мерин бежит с десятков метров, высоко подкидывая седока. При этом в животе коня что-то громко и смачно гукает. Федька хохочет.

— Мужичок ты мой маленький! — ласково говорит мать, когда они вдвоем сидят за столом, завтракают, и Никола черпает суп старой отцовской ложкой.

Отца дома нет — воюет уже четвертый год, и Никола старается все делать точь-в-точь как он. Ложку поддерживает снизу корочкой, чтобы с нее не капало, жует медленно, основательно.

И вот наконец завтрак окончен. Лошадь запряжена, мальчик садится в повозку-бестарку, выезжает в поле. Другие ребята еще и не позавтракали, а его повозка уже пылит по проселку.

Ехать до места молотьбы долго, километров восемь. Здесь, у села, рожь убрана. Поле щетинится короткой колкой стерней. Лишь на закрайках, у самой дороги, кое-где встречаются редкие среди лебеды нескошенные колосочки. Срезать их вместе с лебедой толку мало, а все-таки жалко, что они пропадают.

Глаз у Николы хозяйский, замечает всякий беспорядок. Вон крыша на конюшне в одном месте прохудилась, так что жерди видны, и никак непонятно мальчику, почему дыру не залатают. Соломы, что ли, нет? Вон ее сколько в поле! У иных возчиков-подростков не в порядке повозки — то чека плохая, колесо скрипит, то оглобля закреплена ненадежно и вот-вот отвалится.

Как ни поторапливает Никола своего коня, как ни понукает — к месту молотьбы первым не успевает. Сзади быстро нагоняет его веселое дребезжание бестарок. Размашистой рысью бежит Синенький, за ним — другие лошади.

— А еще Мужичок! — скалится Федька, когда Никола покорно сворачивает на обочину, дает дорогу бесшабашному обозу.

Никола пытается разогнать мерина, тот бежит нехотя, словно на месте топчется, потом снова переходит на шаг.

— На казнь, что ли, тащишься! — снова ощеряется Федька.

Чем хорош Толкач? С грузом он шагает так же, как и порожняком. Сильный, упорный. А увидев

впереди подводу, почему-то отставшую от обоза, даже прибавляет ходу.

Никола удивлен: отставший, оказывается,— Федька! Сидит на задке бестарки, свесив ноги, лицо его выражает кротость и миролюбие. Не иначе как что-то задумал.

Толкач простодушно вытягивает шею, норовит достать губами ржи из Федькиной подводы и вдруг получает такого пинка в храп, что останавливается, оторопев. Федька восторженно ржет, валится на спину. А Николе досадно: разве можно издеваться над животными? Но не смеет высказать обиду за коня, побаивается. Федька же сворачивает с дороги и великодушно велит:

— Обгоняй! Мой чего-то захромал...

Никто из ребят, а тем более Федька, никогда еще не уступал дорогу и не позволял обогнать себя маленькому Николе. Благодарный старшему товарищу, Никола понукает коня, бьет его вожжами, чтобы поскорее обогнать, и очень досадует на Толкача — тот, кончено, не спешит. Да что там не спешит! Он не желает быть передовым, вечно позади всех, вот и сейчас с удивлением смотрит на Синенького, как бы укоряя его взглядом: что же, мол, оплошал? Медленно, очень нехотя Толкач шел в обгонку, надеясь, что Синенький не выдержит и вновь помчится вперед. Но взнузданный Синенький послушен своему хозяину и стоит на месте.

И только когда уже Толкач вышел-таки вперед,

оглядываясь, должно быть, озадаченный тем, что произошло, Никола вдруг с удивлением замечает: Синенький ничуть даже и не хромает, как уверял Федька, шагает как ни в чем не бывало. Федька заметно придерживает коня, натягивает вожжи, чтобы еще больше приотстать.

Неподалеку от села, спрыгнув с повозки, Федька бежит к копне и, воровато оглядываясь, сует туго набитый мешочек в солому.

— Смотри, никому не говори! — обгоняя Николу, предупреждает Федька. — Ты только один видел.

Николе неловко, что на его глазах совершается кража, совестно ему, но, чтобы показать себя надежным и благодарным товарищем, отвечает:

— Мне-то что! Не мой хлеб...

На колхозном току, у длинного бревенчатого амбара, девки перелопачивают зерно. Они подвертывают и опрокидывают, взявшись за конец оси, бестарку. Курносая развеселая Манька ловит мальчика, обнимает его, смеется.

— Девки, чем не жених!

— А русского-то научился играть на губах? — подхватывают девки. — Какой там жених, сыграть плясовую не умеет!

— Да ну вас! — вырываясь из цепких девичьих рук, сердится Никола. — Привяжутся... Я и так отстал ото всех.

— Ну сыграй! — упрашивают его.

Никола знает, что девки скоро не отстанут, и он складно наигрывает на губах. Девки пляшут — да с таким азартом, удовольствием, ловко притоптывая босыми ногами по горячей земле! Но вот задрезжала председательская тележка. Плясуньи — врассыпную, скорей за лопаты, а Никола тем временем прыгает в бестарку.

Весь день Никола возил зерно в одиночку. Обидно отставать от ребят, но попробуй-ка угонись за ними: кони у них горячие, быстрые. Правда, Федька Петух перестал насмешничать. Промчится мимо и лишь зыркнет на Николу, строго так, предупредительно: смотри у меня, помалкивай...

Николе совестно за тот мешочек зерна, спрятанный Федькой в копне. Как глянет на ту копну, так горит внутри, будто сам украл и спрятал тот мешочек.

Хуже всего, что обещал помалкивать. Видно, хотел понравиться и польстить сильному Федьке. Плохо быть маленьким. Всем, кто побольше и посильнее, старайся угодить — не то обидят. Был бы отец дома — никто бы не обидел...

Хмур был Никола, на шутки ребят сердито огрызался, девкам на току больше не наигрывал, как ни просили его. И все норовил сам, без их помощи, подвернуть нагруженную подводу.

И вот день на исходе. С последним возом возвращается мальчик с поля. Ребята, наверное,

дома уже, распрягают коней, а его повозка тащится не спеша к амбару. Теперь бы подремать под скрип бестарки на теплой ржи, но до того ли, когда вот она, на виду, та копна. «Скорей бы мимо!» — думает мальчик. Но лошадь, кажется, еще медленно идет...

Никола вдруг прыгивает на землю и по стерне, приминая ее так, чтобы не колоть ступни, бежит к соломе. Быстро ворошит ее. Находит мешочек и так же, скользя ногами по колючей стерне, бежит к подводе. Сердце колотится, долго не входит в ровный ритм, хотя рожь из мешочка давно высыпана, а сам он уже подъезжает к амбару.

«Так-то лучше,— думает Никола. И, чтобы оправдать себя перед Федькой за то, что не сдержал слова, размышляет: — Все лишний кусок фронту. Отцам нашим — и Федькиному, и моему». Мысль о том, что отцы их получают лишний кусок хлеба на войне, успокаивает мальчика, и ему уже начинает казаться, что мстительный Федька должен это понять, не обидеться и не разозлиться на Николу.

Но это так казалось и так хотелось. А как оно выйдет на самом деле? Опорожнив у амбара подводу, Никола едет по проулку в село, боясь встречи с Федькой. И надо же — Федька тут как тут! Он уже распряг своего коня и едет на нем верхом в луга. Стреножит, потом отправится за спрятанным хлебом. Всю копну переворочает, а завтра будет бить Николу.

Но страх Николы вовсе не тот, что испытывают виновные, заслужившие наказания. Он чувствует себя правым, и если бы он был сильный, разве позволил бы себя наказать?

Поравнявшись с Федькой, натягивает вожжи, и Толкач сразу останавливается. Николе почему-то хочется поскорее приблизить развязку, он нащупывает за пазухой сверток — опорожненный мешочек, который мешает ему, словно жалит тело, и решительно выдергивает его:

— На! Зря не ходи, не ищи...

Ему и в самом деле жалко напрасного труда и волнений, что потратил бы Федька на поиски мешочка...

Свесившись с коня, Федька выхватывает мешочек и тут же замахивается кнутом. Хлесть по плечу! Никола трогает рукой обожженное место и, грозя вслед ускакавшему обидчику, кричит:

— Я вот те... наподдам!

...Молчаливый, то и дело притрагиваясь к плечу, распрягает коня около дома.

— Ты чего сопишь, сынок? — останавливается возле него мать. — Ай кто обидел?

Она гладит его по голове, потом наклоняется и целует. А пахнет от ее рук хорошо — парным молоком, она только что доила корову. Николу бы рассказать про все (а как хочется пожаловаться!), но, хмурясь, он отвечает:

— Вот еще! Что я — маленький? Это только маленьких обижают...

